

Выйдя из комнаты, я тайком заглянул в телефон. Надеялся, что Со Джинхёк что-нибудь написал.

После того похода в музей я начал изредка отправлять ему сообщения. Мун Сынвон велел мне прийти в себя, но это не помогало. Мне нужен был повод, и тот день идеально подошел.

Я долго мучился над телефоном и в итоге отправил всего одну фразу.

[Как вы добрались?]

Всего одно предложение, но сердце колотилось как бешеное.

Перед отправкой я несколько раз прогнал текст через проверку орфографии. Боялся ошибиться. Слова были простыми, и я не считал себя тупицей, но всё равно перестраховался.

Каждый хочет выглядеть лучше перед тем, кто ему нравится. Даже если я уже показал ему свое самое дно, хотелось оставить хотя бы каплю приятного впечатления.

Прошло десять минут, потом тридцать, а ответа не было. Я листал интернет, не выпуская телефон из рук, и уже почти сдался. Но тут экран ожил. Я тут же схватил его.

[Хорошо. А вы, Асель-сси?]

Короткая фраза, но мне хватило. Я осторожно коснулся экрана, набирая ответ.

[Я тоже хорошо добрался.]

Этого казалось мало.

[Доброй ночи.]

После этого я со спокойной душой отложил телефон.

С того разговора наше общение с Со Джинхёком то затихало, то возобновлялось. Я изредка писал какую-нибудь ерунду, а он неизменно отвечал, пусть и с задержкой. Иногда он писал первым.

[Что сегодня на ужин?]

Например, такое.

Я отвечал честно:

[Ем гамбургер. А вы, директор?]

[Я в «Сонхэджон».]

Название было незнакомым. Оказалось, это элитный ресторан корейской кухни. Как и следовало из названия, там был сад с соснами и причудливыми камнями. В заведение пускали только по записи.

На сайте было меню, но без цен. В отзывах писали, что самый дешевый сет на ужин стоит 150 тысяч вон.

Я быстро пролистал нашу переписку. Стало стыдно.

Не знаю, как это выглядело со стороны, но я видел в своих коротких фразах неприкрытое отчаяние. В каждом пробеле и точке сквозила тоска и долгие раздумья.

Ничего не поделаешь. Я засунул телефон в карман и принялся за уборку. Ли Джэсок сказал сегодня ужин не готовить, так что я закончил быстро.

Сделав всё, я постучал в дверь спальни.

— Входи.

Ли Джэсок уже переоделся и собирался уходить. В спальне, которую я прибрал час назад, снова воцарился легкий хаос.

— Что такое?

— Я закончил с уборкой.

— А, да? Ну, иди тогда.

Он кивнул. Я замаялся у двери. Когда Ли Джэсок посмотрел на меня, я решился.

— Послушайте, а директор Со... может, он что-то любит?

— Со Джинхёк? А тебе зачем?

— Хочу подарить что-нибудь небольшое. В благодарность за поход в галерею.

— А-а, за это.

Ли Джэсок открыл шкаф с часами через сканер отпечатков. Стал выбирать. Там лежали экземпляры от десяти миллионов до сотен миллионов вон.

После недолгих раздумий он вытащил одни и закрыл шкаф. Раздался отчетливый щелчок замка.

— Что он любит... Да у него всё есть. А если чего-то и нет, ты это не достанешь. Он от тебя ничего не ждет.

Его равнодушный тон уколол меня в самое сердце. Будто заусенцы на пальцах содрал. В глазах зашипало от резкой обиды.

Он был прав, и возразить было нечего. Что я могу дать Со Джинхёку? Я ведь во всем завишу от него. Я знаю, что он на меня не рассчитывает. Но слышать это от другого — совсем другое дело.

Я попытался оправдаться:

— Но ведь главное — само внимание.

— Ну да, поэтому и дарят цветы. Чувства важнее.

Ли Джэсок легко согласился. Он не вкладывал в свои слова скрытого смысла. Он не был злым.

Просто слишком честным.

— Купи цветы и подпиши открытку. У него вроде день рождения в следующем месяце?

Он бросил это вскользь, но для меня это стало громом среди ясного неба.

— День рождения?

Конечно, у Со Джинхёка был день рождения. Даже у меня, приютского, он был — хотя бы по документам. Раз он живет в Корее, эта дата где-то записана.

— Ага. Поздравь его, и хватит, — сказал Ли Джэсок так, будто вопрос решен.

День рождения. Целый месяц впереди, времени на раздумья полно. Что-то невероятное я не подарю... Но если не придумаю, придется последовать совету: цветы и письмо. А куда отправлять? В офис?

— Он, наверное, отметит с друзьями? Или с невестой?

— С невестой? С Чимин?

Я знал, что они не близки, но решил прощупать почву. Ли Джэсок ответил с недоумением.

— С чего бы? Со Джинхёк с ней почти не видится. Их дед сосватал, они даже не дружат. К тому же, в свой день рождения Джинхёк ни с кем не встречается. Проводит его в одиночестве.

— Почему?

Я понял, что задаю слишком много вопросов. Но Ли Джэсок, не заметив подвоха, ответил:

— Говорит, хочет тишины. Я и сам толком не знаю. Это началось после его возвращения из-за границы. Может, там что случилось... Хотя странно всё это.

Ли Джэсок почесал подбородок. Я поклонился, извинился за назойливость и вышел.

После работы я поехал к сетевому фастфуду возле станции Каннам.

Внутри было шумно. Люди сидели компаниями, весело болтали. Некоторые, как и я, сидели в одиночестве. С уставшими лицами они жевали картошку фри, будто это были последние соломинки, за которые они держались.

Я заказал привычный комбо-набор и сел у окна. Эти места на высоких стульях как раз для одиночек.

Я поглубже натянул кепку. Поставил поднос на стойку. Взял горячую картофелину и принялся разворачивать шуршащую обертку бургера. Откусил большой кусок, проглотил. Сверху закинул картошку. На языке остался соленый привкус.

Я не отрывался от окна. Сквозь обклеенное плакатами стекло я разглядывал прохожих, потягивая колу. Поправил кепку, чтобы никто не поймал мой взгляд, и медленно жевал.

Я сидел здесь не из любви к бургерам. Я хотел увидеть Со Джинхёка. Узнав, что его офис на Каннаме, я стал просиживать здесь всё свободное время.

Офисные работники в строгих костюмах валили толпой — начался час пик. Кто-то садился в машины, большинство шло к метро.

Конечно, это было глупо. У Со Джинхёка есть машина и даже личный водитель. Я это знал, но всё равно сидел. Вдруг он случайно пройдет мимо. Времени у меня всё равно было навалом.

Кстати, его невесту зовут Чимин.

Я задумчиво жевал трубочку от колы.

И почему он проводит день рождения один? Со Джинхёк почти ничего о себе не рассказывал. Мы знакомы уже прилично, но всё, что я о нем знаю, — это слухи из «Нанта».

Информация, доступная каждому. К ней добавилось лишь то, что его брат умер, а невесту зовут Чимин. Ли Джэсок прав: Со Джинхёк не любил откровенничать. Впрочем, я и не тот человек, которому доверяют тайны.

Трубочка превратилась в жалкое зрелище. Я так ее искусал, что она сплющилась и почти не пропускала жидкость. Я вытащил её и стал пить прямо из стакана.

В этот момент телефон на столе коротко звякнул. Я быстро вытер пальцы и открыл сообщение. От Со Джинхёка.

[Снова гамбургер?]

Тон был такой, будто он меня видит. Я огляделся, но его нигде не было. Потом понял, как он догадался.

Я посмотрел историю переписки. Я постоянно писал, что ем бургеры. Неужели так часто? Хотя и без этого я обычно перекусывал фастфудом или сэндвичами. Готовить самому — та еще морока.

Прийти после работы и встать у плиты — выше моих сил. Придумывать меню, следить, чтобы продукты не протухли, готовить, убирать объедки... Это выматывает. Иногда купить готовую еду и выкинуть упаковку дешевле и проще для здоровья.

Для меня бургер был нормой, но признаваться ему в этом стало неловко. Со Джинхёк вряд ли ест такую еду. Мне хотелось казаться солиднее. Как те часы Ли Джэсока за сотни миллионов.

[Да. Ем вот. А вы, директор?]

[Тоже собираюсь поужинать.]

Хотелось спросить, что именно, но я сдержался.

[Приятного аппетита.]

Я закончил разговор и еще долго пялился в экран. Бургер стал казаться сухим. Я сделал глоток колы из стакана, покрытого каплями конденсата.

В детстве я готов был сдавать кровь, лишь бы поесть такой еды. А теперь, когда появились деньги, это просто дешевый способ набиться.

Я доел, вытер жирные пальцы салфеткой и допил колу. Разгрыз лед — ужин окончен.

В ту же секунду пришло сообщение.

[Давайте пообедаем на этой или следующей неделе. Подумайте, чего бы вам хотелось.]

Я стиснул зубы, чтобы не закричать. Медленно и очень тщательно набрал ответ.

[А можно в «Сонхэджон»?]

Ответ прилетел мгновенно.

[Конечно можно.]

Ресторан «Сонхэджон» в Кёнгидо оказался еще масштабнее, чем на фото. Старый ханок переделали с размахом, даже черепица на стенах была настоящей. Парковка находилась снаружи. После валет-паркинга мы вошли в ворота, и перед нами открылся огромный сад с главным зданием в глубине.

Мы шли за администратором по каменной дорожке. Нас привели в комнату, за которой рос бамбуковый лес.

Я снял обувь, и сотрудник сам убрал мои кроссовки в шкаф. Со Джинхёк принимал это обслуживание как нечто само собой разумеющееся.

Он был в бордовой рубашке. На её фоне зеленый бамбук за окном выглядел ярко. Листья шуршали на ветру, создавая ощущение пролады даже в летний зной.

После музея он стал вести себя со мной проще. Будто я его младший брат или подобранный на улице котенок.

Он перестал выстраивать ту жесткую границу, что была еще тогда, в ресторане. Стал более живым. Раньше он и не думал звать меня на ужин или писать самому. Огромный прогресс.

Видимо, я слишком долго на него смотрел. Он поймал мой взгляд и мягко улыбнулся.

— После еды можем немного погулять. Здесь красивый сад.

— Да, конечно.

Он решил, что я засмотрелся на бамбук и сад.

Я послушно вошел в комнату. Там стояла шелковая ширма с вышивкой и висели свитки с каллиграфией. На столе уже лежали приборы на двоих. Я уже бывал в таких местах, поэтому вел себя уверенно. Не вертел головой по сторонам.

В этом ханоке явно поработал хороший дизайнер. Окна были стеклянными, но в рамах с традиционным узором. Если открыть внутренние створки, бамбуковый лес оказывался как на ладони.

Он сел и вытер руки влажным полотенцем.

— Здесь отличная говядина. Закажем сет с мясом.

— Э... Да, давайте.

Сет, который он выбрал, выглядел впечатляюще. Со Джинхёк сделал заказ. Официант вышел, и в тишине комнаты снова зашуршал бамбук.

— Любите гамбургеры?

Вопрос застал меня врасплох. Я не сразу нашелся с ответом.

— Вы говорили, что постоянно их едите.

— А.

Я постоянно ел их, потому что торчал в той забегаловке, надеясь его увидеть. А я-то думал, чего он так часто спрашивает про мой ужин.

Стало приятно, что он беспокоится. Кончики пальцев покалывало от осознания: неважно, жалость это или сочувствие, я всё же занимаю место в его жизни.

— Ну, не то чтобы люблю...

Я не мог признаться, что сидел там ради него. Пока я подбирал оправдание, Со Джинхёк постучал пальцами по столу, как по клавишам пианино.

— Денег не хватает?

— Нет! Нет, что вы. Совсем нет. Хватает с головой.

Я чуть не подпрыгнул на месте. Какая нехватка денег? Что Ли Джэсок, что Со Джинхёк — они оба платили мне столько, что жаловаться было просто грешно.

Я бросил попытки составить красивую фразу и затараторил как попало:

— Просто лень... Готовить на одного сложно. Да и для себя одного ничего особенного не хочется. Но я пью колу «Зеро»...

Я оправдывался, заглядывая ему в глаза, будто каялся перед монахиней за проступок. Он выслушал меня с видом строгого учителя.

— И всё же стоит питаться нормально.

— Да.

— Не хотел быть занудой и просто читать нотации, поэтому и позвал поужинать вместе.

Он усмехнулся. Видимо, сам понял, как это прозвучало.

— Вовсе вы не зануда. Это не так, — серьезно возразил я.

Он мягко ответил:

— Ну и славно.

В «Сонхэджон» не носили блюда по одному. После закусок официант принес огромный поднос и устал стол едой.

Тут были не только заказанные ребра, но и куча других блюд. Всё выглядело безумно дорого.

На сырых сырых морепродуктах даже блестела золотая крошка.

Я открыл каменный горшочек, и мне в лицо ударил горячий пар. Это был рис с крупным морским карасем.

Когда стол накрыли, я замер, ожидая знака. Он кивнул, предлагая начинать. Только тогда я взял палочки и попробовал ребра, которые он советовал.

Вкус был неземной. Совсем не то, что на рынке. Я принялся за юкхве и морских черенков.

— Как вы повредили руку?

От его голоса я замер и поднял голову. Он пристально смотрел на меня.

Он имел в виду мою правую руку. В прошлый раз в музее я был в рубашке с длинным рукавом, так что он увидел шрам только сейчас.

<http://bllate.org/book/17249/1731536>